

**ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА
ЖУРНАЛА
„КАТОРГА и ССЫЛКА“**

№

3705₁₃

В. Н. ФИГНЕР

33

**МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ
НОВОРУССКИЙ**

(1861—1925)

**МОСКВА
1925**

В. Н. ФИГНЕР

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ
НОВОРУССКИЙ

(1861—1925)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН и СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ
Москва — 1925

Москва. Главлит № 45 587:

35.000 экз.

«Мосполиграф», 16-я типография, Трехпрудный, 9.

Михаил Васильевич Новорусский вышел из среды того низшего сельского духовенства, жизнь которого по материальным и моральным условиям мало чем отличалась от жизни нашего крестьянства.

Его отец был псаломщиком в селе Новой Руссе, Демянского уезда, Новгородской губ.; там в сентябре 1861 г. и родился М. В. Вся домашняя обстановка его была чисто крестьянская, с обилием нужды и всяких горестей. Детей было 13 человек (из них от болезней умерло семеро); М. В. был не из старших, но, как и во всякой крестьянской семье, ребенком ему приходилось нянчить младших братишек и сестру. Порой ему это так досаждало, что у него осталось воспоминание, как он от всей детской души желал смерти одному из своих питомцев и как горько потом плакал и упрекал себя за злые пожелания, когда смерть действительно унесла докучливого братишку, мешавшего ему играть на улице. Нужда, при обилии детских ртов, была так велика, что каждый кусок был на счету, и старая ворчливая бабушка, присматривавшая в избе во время работ родителей в поле, отравляла жизнь вечно голодным ребятам своей воркотней и попреками за неутолимый аппетит.

Первоначальное воспитание М. В. получил, как все деревенские дети, на улице. С ватагой сверстников он рыскал по полям и болотам, проводя целые дни в лесу или на реке, и вообще вел жизнь «естественного» человека, как ведут все заброшенные дети наших сел и деревень. Эта нищета и вечная забота о за-

встрашном дне, царившие дома, жизнь в тесноте и удушье, исполненная мелких хозяйственных дрязг, рано раскрыли перед М. В. всю оборотную сторону человеческого существования, и он вышел закаленным против всяких материальных невзгод и глубоким реалистом, для которого иллюзий, кажется, не существует. Кроме того, из него вышел человек труда, не знающий ни усталости, ни апатии, ни даже передышки. Побратимство или, лучше сказать, полное слияние в детстве с окружающей средой тоже наложили на М. В. свою печать, дав ему полное знание народа. Но с виду, пожалуй, холодное и критическое отношение к деревенскому люду, вынесенное из близких сношений с обнаженным от всяких прикрас мужиком, скрывало в нем глубокую, сдержанную любовь к этим пасынкам жизни. Выйдя из духовного сословия, М. В. прекрасно знал и эту среду, в которой тени едва ли не больше, чем во всяком другом сословии.

Подготовленный старшими братьями в Старорусское духовное училище, он был свезен туда на савраске со скудным запасом необходимой одежды и небольшим гостинцем для утешения ближайшего начальства. Оттуда, как потом и из семинарии, он возвращался домой на каникулы пешим ходом, чтобы снова окунуться в деревенский простор.

Оттого его связь с деревней и ее жителями, бывшими товарищами игр, уцелела по день смерти. По выходе его из Шлиссельбурга, при посещении им родных мест, деревня встретила его трогательным приветом, как плоть от плоти своей. Его бывшие товарищи устроили ему встречу, ясно показавшую, что память о нем все время сохранялась. Дружеские сношения с родными местами М. В. поддерживал все время.

Дальше я приведу слова самого М. В.:

«По обычаю своих предков, я проходил духовную школу по всем трем этажам—духовное училище, семи-

нарию и академию. При этом с 17 лет я учился и содержался на казенный счет, и, таким образом, в общей сложности около 28 лет¹⁾ состоял государственным пансионером. Мальчик я был способный и шаловливый, но школа последнее свойство вытравила, а первое — направила на свойственную ей схоластическую дорогу. Один мой либеральный товарищ по семинарии прозвал меня даже «Ортодоксией», а некоторые, сверх того, «Мистиком».

«В таком звании я был отправлен в 1882 г. на казенный счет в академию (в Петербург). Ехал я туда с тайным намерением принять «иноческий сан», но встретил там дух, мало подходящий для осуществления такого намерения, и хотя вскоре этот дух переменился, но для меня уже было поздно, ибо червь сомнения и критики прочно внедрился в меня с первого же года.

«Тем не менее до 1885 г. я учился, как самый заправский студент академии, не имея вовсе знакомых в столице. Лишь с этого года я выступил на сцену общественной жизни, — сначала, как один из организаторов рассыпавшегося новгородского землячества. В 1886 г. организовался в Петербурге союз землячеств, в котором я состоял в качестве депутата от своего землячества. Но чем-либо серьезным этот «союз» себя не проявил, если не считать панихиды по Добролюбове в 25-ю годовщину его смерти, — 17 ноября 86 г., когда перед Волковым кладбищем собралось до тысячи человек учащейся молодежи. В полицейских кругах этой демонстрации (панихида не была допущена) приписывали какое-то особое значение, судя по тому, что ей отводилось место даже в нашем обвинительном акте.

«В 1886 г. я кончил академию в звании кандидата и, как один из наиболее преуспевших, был оставлен при ней в качестве «профессорского стипендиата» для

¹⁾ Считая и содержание в тюрьме в течение 18¹/₂ лет.

приготовления к занятию кафедры. В этих видах я писал магистерскую диссертацию, на какой и застал меня арест 3 марта 87 г.

«На союзных земляческих собраниях я познакомился с А. И. Ульяновым, но никаких конспиративных дел с ним не имел вплоть до 7 февраля 1887 г., когда он обратился ко мне с просьбой позволить ему приготовить в моей квартире недостающие 3 фунта динамита. Подробностей организации этого дела излагать здесь не буду, скажу только, что динамит был приготовлен, а лаборатория осталась у меня и была арестована вместе со мною по указанию Канчера, судившегося вместе с нами и выдавшего моих товарищей.

«Как видите, никакой роли в жизни я сыграть не успел—ни общественной, ни революционной. И хотя сидел 18½ лет под знаменем борьбы за торжество освободительных и прочих идеалов, но всегда конфужусь, когда вижу свое имя на ряду с настоящими борцами.

«Политическое воспитание я успел получить только в Шлиссельбурге; благодаря необыкновенной любезности П. Н. Дурново, ковавшего тогда карьеру на наших спинах и отправившего меня туда дозреть и сформироваться.

«Мои экономические понятия не шли дальше беспочвенных симпатий к мужику и трудящемуся люду вообще,—симпатий, частью унаследованных с детства, частью вынесенных из народнической литературы. На долю последней, в частности, нужно отнести идеализацию общины, как особого уклада русской народной жизни, могущего послужить базисом для реорганизации всего экономического строя на трудовых началах. Об этой реорганизации мы немало мечтали в своем кружке в академии, не уходя, впрочем, дальше утопического прекраснотушия».

Дело, по которому судили М. В., состояло в приготовлении покушения на жизнь императора Александра III. Главные участники с бомбами в руках были 1 марта 87 г. взяты на улице. Один из арестованных сигнальщиков—Канчер—выдал все и всех и помог создать процесс 15 революционеров, которые все и были приговорены в мае того же года к смертной казни. Но восьми из них суд ходатайствовал заменить смертную казнь другими видами наказания. Из остальных семи Андреюшкин, Ульянов, Генералов, Шевырев и Осипанов были подвергнуты смертной казни, а Новорусский и Лукашевич были заключены в Шлиссельбургскую крепость без срока, где они и оставались до 23 октября 1905 г.

М. В., действительно, прибыл в Шлиссельбург, как он сам справедливо говорит, человеком несформировавшимся и совсем неподготовленным к участи, которая, подобно лавине, обрушилась на него. Как лишь о немногих узниках Шлиссельбурга, о нем можно сказать, что он вполне образовался и развился в стенах этой крепости. Насколько позволяли возможные в тюрьме образовательные средства, он прекрасно и всесторонне воспользовался тюремным досугом и значительно пополнил свое крайне узкое семинарское и академическое образование. Не раз впоследствии он удивлялся своему полнейшему неведению хотя бы в обширной области естествознания и социологии. Зато после ни одна научная отрасль, кроме разве высшей математики, не была чужда ему. Из наук, кроме естественных, не мало времени отдавал статистике и не раз писал очень удачные, хотя и не лишены парадоксов, статьи по тому или другому общественному вопросу, иллюстрируя его статистическими данными. Вместе с тем в тюрьме его мысль расширилась и окрепла, и из неопределенного, расплывчатого мирозерцания у него выработалась цельная, продуманная система. Быть мо-

жет, она была несколько односторонней, но в этом уже виноваты ненормальные условия тюрьмы. М. В.—убежденный экономический материалист, часто впадавший в крайности, от которых люди той же школы, жившие на свободе, отчасти уже отказались.

В нашем крошечном тюремном мирке, где все человечество в конце последнего десятилетия воплощалось в 12—13 товарищах, М. В. был чуть ли не самым неутомимым и продуктивным работником по всевозможным отраслям.

Ремесла (столярное, токарное, переплетное) он изучил превосходно, и его трудоспособность была изумительна. Иногда он давал мне список вещей, сделанных в течение полугода. Просматривая этот перечень, я могла только восклицать: «У вас, М. В., золотые руки!»,—такое множество вещей созидал он, и при том всегда в возможной степени совершенства. Как коллекционеру (по ботанике, энтомологии, минералогии), ему в нашей тюрьме, по всей справедливости, принадлежала пальма первенства. Когда мы одно время работали для Петербургского подвижного музея, никто не мог превзойти этого несравненного труженика по обилию собранного и обработанного им материала и по его неистощимой и неоскудевающей энергии.

Прекрасные коллекции, вывезенные им из Шлиссельбурга, находятся теперь частью в Ленинградском Музее Революции, членом коллегии которого он состоит с 1919 г. Наша тюрьма удивлялась самодеятельности, настойчивости и предприимчивости М. В. и по части разных технических производств. Он чинил часы, органчики, физические приборы и всевозможные предметы,—казалось, совсем погибшие,—которые приносили к нему разные служащие, и он делал над ними чудеса, возвращая все в наилучшем виде.

Не раз он смешил нас своими предприятиями: выдвигал картофельную муку для киселя и приготавливал

патоку из нее; выращивал цикорий и производил удивительные ягодные вина (из вишни, малины, черной смородины); раз даже изготовил изюм в вентиляторе из кисти винограда, попавшей как-то от коменданта к нам на пасхе, и вообще был настоящим Колумбом при нашем скудном бюджете. Собирался он заняться еще шелководством и хотел для этого засеять огород скорцонерой, чтобы кормить ею шелковичного червя взамен листьев тутового дерева, но температура тюрьмы, годная для нас, оказалась невыносимой для этого нежного создания, и проект остался неосуществленным.

Новорусский провел все 18½ лет заключения в усиленном труде, гармонически сочетая умственный и физический труд. Кажется, у него не пропадала бесплодно ни одна минута тюремной жизни. И этот труд помог ему не только жить в тюрьме, но и выйти из нее человеком в полном обладании духовных и физических сил.

Если в Шлиссельбургской крепости Михаил Васильевич обнаруживал недюжинную предприимчивость и громадную трудоспособность, то по выходе на свободу развернул всю свою энергию, и за годы, истекшие после освобождения, произвел совершенно необычайное количество работы. Основной сферой его деятельности не была политика. Социал-демократ по своим основным убеждениям, вначале он тяготел к с.-д. партии, но раздоры, происходившие в ней, не позволили ему принять участие в делах, и он отдался культурно-просветительной деятельности, как это будет видно из нижеследующего рассказа, составленного по сообщенным им данным.

Когда 29 октября 1905 г. М. В. привезли из Шлиссельбурга в Петербург, он оставался в Петропавловской крепости три недели. Затем, по просьбе митрополита Айтония, знавшего его еще с академии, видевшего его

при посещении нас в Шлиссельбурге и принявшего теперь в нем участие, его препроводили сначала в покои митрополита, а потом в Выборг к архиепископу финляндскому Сергию, у которого на отдельной даче он и прожил около пяти месяцев.

Оставаясь в Выборге до апреля 1907 года, М. В. писал воспоминания о Шлиссельбургской крепости, которые печатались в 1906 г. в «Былом». В 1907 г. они вышли на шведском языке в Гельсингфорсе, а в 1908—на немецком в Берлине. Отдельного издания при царском режиме на русском не появлялось вследствие цензурных запретов. Оно вышло лишь в 1920 г. в Гос. Изд. в Ленинграде.

В апреле М. В. было получено разрешение переехать в Петербург, и он поселился в здании Высшей Вольной Школы П. Ф. Лесгафта. Петр Францевич сначала предложил М. В. заведывать хозяйственной частью курсов, а потом перевел в химическую лабораторию в качестве лаборанта. Так было до мая 1909 г., когда М. В. женился на Пелагее Матвеевне Рыжковой и в звании секретаря совета, принял на себя заведывание подвижным музеем Русского Технического Общества,—тем самым музеем, для которого мы работали в продолжение 4 лет, будучи в Шлиссельбурге.

Новые обязанности поставили М. В. в тесную связь с обществом, в ведении которого находился музей, и втянули в работу по техническому образованию: он был избран непременным членом постоянной комиссии, участвовал в анкетной комиссии по изучению музеев, разработал материал, собранный ею, и опубликовал статью «Музеи и их образовательное значение». Как организатор и эксперт, М. В. принимал участие на выставке «Устройство и оборудование школы» и написал для нее специальную брошюру (1912) под тем же названием, получив от Технического О-ва «медаль признательности» за свои труды.

Благодаря подготовке по естествознанию, полученной исключительно в Шлиссельбургской крепости, работе в Подвижном музее и в комиссиях Технического О-ва, М. В. сделался настоящим специалистом музейного дела и в качестве знатока дела все последние годы был приглашаем всюду, где требовались его знания. В одних случаях он являлся экспертом (как на Всероссийской гигиенической выставке 1913 г.), в других—докладчиком на собраниях и с'ездах (в 1909 г. в Москве на Всероссийском с'езде естествоиспытателей и врачей; в Тифлисе—в 1913 г.), очень часто—лектором на курсах (при университете Шанявского, на курсах, которые устраивались земствами: Петербургским, Нижегородским, Оренбургским). В 1918 г. такие же лекции по музейному делу читались на курсах О-ва внешкольного образования и на инструкторских курсах по внешкольному образованию, устроенных комиссариатом просвещения. Это чтение лекций продолжалось и во все последующие годы в различных высших учебных заведениях и на курсах, благодаря чему М. В. был включен официально в штат профессоров.

По мастерской наглядных пособий при Подвижном музее М. В. был сотрудником, а когда она выделилась в торговое товарищество, он был избран членом правления его.

Не буду перечислять всех обществ, членом которых состоял М. В. (О-во любителей мироведения, Внешкольный союз, К-т гражданского воспитания, Ленинградский Музей революции, О-ва натуралистов, писателей и др.), отмечу только, что в О-ве народных университетов, как председатель экскурсионной секции, в течение целого ряда лет он занимался организацией экскурсий для взрослых и очень часто лично руководил ими: более 12 раз ездил в Финляндию, в 1917 и 1918 г.г. не менее 6 раз—в Шлиссельбург, свое прежнее местопребывание. Наконец, будучи постоянным сотрудником

Народного дома графини Паниной, М. В. работал в организации местных выставок и в капитальном коллективном сборнике «Народный Дом» (1917) поместил статьи о музее и о кинематографе.

Заведывание подвижным музеем М. В. продолжал до 1917 г., когда в июле был назначен директором сельско-хозяйственного музея. Делом М. В., как директора сельско-хоз. музея, было создание на Крестовском острове «живого» сельско-хоз. музея, получившего вначале название «Учебно-показательного питомника». Там экскурсанты и учащаяся молодежь знакомятся с различными отраслями сельского хозяйства на живых образцах и показательных участках.

Помимо деятельности культурно-просветительной, с началом мировой войны М. В. пришлось иметь дело и затратить много времени и труда в области, касающейся русской промышленности. Но для читателя было бы обременительно перечисление его работ этого рода. Его специальной сферой являлось сельское хозяйство, которому он и отдавал, главным образом, свои силы.

В апреле 1918 г. М. В. стал председателем «Совета по делам учебных учреждений Комиссариата земледелия» и в мае организовал при нем культурно-просветительный отдел для распространения с.-х. знаний школьным и внешкольным путем и стоял во главе его.

Остается сказать о литературных работах М. В. Они очень многочисленны и по содержанию своему относятся к вопросам естествознания и лишь отчасти к педагогике и промышленности.

Он сотрудничал и в газетах, и в журналах, и в периодических сборниках, участвовал в редактировании статей. Размер настоящей брошюры не позволяет сделать перечень всех этих изданий — он слишком велик, но был бы показателен в смысле работоспособности и умственной энергии М. В. «В иной год я исписывал бу-

маги более стопы»,—шутливо выражался он, говоря о своей литературной деятельности.

Я приведу только список книг и отдельных брошюр, которые написаны им.

1) «Грибы» (2 изд.). 2) «Земля и ее жизнь» (2 изд.). 3) «Жизнь почвы» (2 изд.). 4) «Незримая жизнь почвы» (2 изд.). 5) «Почва». 6) «Что делать народному учителю». 7) «Приключения мальчика меньше пальчика». 8) «Как я высидел цыплят». 9) «О сахаре» (чем заменить его). 10) «В яйце—наше довольствие» (листовка). 11) «Как произошли наши животные» (листовка). 12) «Известь». 13) «История снежинки». 14) «Записки шлиссельбуржца». 15) «Путеводитель по Шлиссельбургу».

Сданы в Госиздат: 1) «Собирайте дикорастущие травы»; 2) «Школьный огород»; 3) «Грибы и грибки»; 4) «Почва и удобрения»; 5) «История кусочка хлеба»; 6) «Работа в сельской школе»; 7) «Земля»; 8) «Кто работал над устройством нашего жилища».

Печатается: 1) «Экскурсия в сельское хозяйство» (в питомник при с.-хоз. музее, устроенный М. В., как директором музея).

Кроме того, в последнее время М. В. по поручению Ленгиза редактировал составлявшуюся Русским техническим обществом крестьянскую популярную библиотеку по различным ремеслам и производствам. Покойный был большим знатоком различных ремесленных работ.

Работе по составлению крестьянской библиотеки М. В. Новорусский уделял большую часть своего времени. Им было выпущено свыше 40 брошюр этой библиотеки.

После революции 17 года новое поле деятельности открылось и отнимало много времени и сил у М. В. Это поездки с экскурсиями в Шлиссельбург. Интерес к последнему с течением времени все усиливается: все но-

вые и новые массы втягиваются в познание истории революционного движения и их влечет к посещению этого исторического застенка. Летом почти в каждый праздник идет в Шлиссельбург специальный большой пароход, набитый экскурсантами, главным образом, рабочими. Иногда таких пароходов бывает два. И каждый раз М. В. приходилось в течение 4 и более часов вести на открытом воздухе беседы с многосотенной аудиторией, желающей услышать от него, бывшего узника Шлиссельбургской крепости, повесть о тех, кто был заключен в нее и погиб от жестокого режима нашей Бастилии.

С момента открытия Ленинградского Отделения Всесоюзного Общества Политкаторжан М. В. был членом Совета и Президиума его и был избран Всесоюзной конференцией политкаторжан членом Центрального Совета.

Прочитав этот очерк, читатель, наверное, согласится, что иной во всю свою жизнь не мог столько сделать, сколько М. В. сделал после того, как вышел из своего более чем 18-летнего заключения, и если бы не преждевременная и внезапная смерть, прервавшая его столь разнообразную деятельность, то он при своей бодрости и энергии мог бы еще многое сделать в будущем.

Цена 5 коп.

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ
Конторы Издательства Всесоюзного Общества
Политкаторжан и Ссыльно-Поселенцев.
Москва. Лубянский пассаж, 32, тел. 3-64-73.
Склад изданий: Книжный склад „МАЯК“.
Москва, Петровка, 7, телефон 3-63-20.